

УДК: 94(470+571)

ЧЕРНИХ І.Д.,

Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова.

Черних Ірина Дмитрівна, кандидат історичних наук, доцент,
професор кафедри нової і новітньої історії історичного факультету
Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ “ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ”

У статті представлено критичний аналіз європоцентричної концепції суті духовної революції “Осьового часу”.

The article presents a critical analysis of Europe-centric concept of spiritual revolution during the “Axial age”.

Концепція “Осьового часу” являється ключовою в сучасній філософії історії, культурології та політології. Сутью “Осьового часу” (800 г. – 200 г. до н. е.), згідно К. Ясперсу, була глобальна революція свідомості, боротьба “раціональності та раціонально перевіреного досвіду проти міфу (логіки проти міфу)”. Автор констатує тріаду історичну модифікацію проявлення цього процесу: китайську, індійську та західну (середземноморську). В цьому сенсі, за К. Ясперсу, “Осьове час” – це початок універсальної, всесвітньої історії. Основи духовно-моральних представлень, які були визначені “осьовими” народами, з часом змінилися в форми великих історичних релігій (даосизм, конфуціанство, буддизм, зороастризм, юдаїзм, християнство, іслам). Німецький філософ, узагальнюючи світову історію після “Осьового часу”, підкреслює, що з початком епохи Модерну Європа вступає на шлях свого невідомого раніше просування вперед, тоді як культури Китаю та Індії саме в це час знаходяться в стадії упадку. Згідно К. Ясперсу, на Заході відбувся світовозренський ривок, визначивши теоретико-методологічні основи новоєвропейської науки. Це, зокрема, аналіз предмету дослідження через побудову об’єктивно-суб’єктивної моделі, прагнення – опираючись на дискурс, що світ будується причинно-наслідковими зв’язками – укласти все різноманітність знань в систему чітко формалізованих, достовірних та однозначних результатів. К. Ясперс акцентує увагу на тому факті, що раціональне мислення отримало загальне поширення лише в контексті європейського типу розвитку [1]. Відповідно виникає питання: східне мислення відмінне від західного чи воно являє собою архаїчний варіант, в достатній мірі некультурний “осьовим часом”? Німецький філософ сам не дає чіткої відповіді на це питання. Однак очевидна приверненість К. Ясперса до домінуючої в першій половині ХХ століття в європейській думці трактування проблеми, яка найбільш чітко відображена в концепції історії

мислення Леви-Брюля. Інститути, звичаї, віровання “первобитних” людей, утверджував французький антрополог, передбачаючи прагматичне мислення. “Коллективні уявлення та асоціації цих представлень, що складають це мислення – підкреслював автор – управляються законом співпричастності (“партиципацией”) та в якості таких вони безрізні до логічному закону протиріччя”. Розглядаючи процес переходу до “вищих типів мислення”, Леви-Брюль відзначав, що лише в західному світі “логічне мислення до сучасного часу продовжує прогресувати”, так як китайське та індійське суспільства не змогли в достатній мірі подолати містичне свідомість [2].

Однак утвердження Леви-Брюля про те, що східне мислення як би застрягло між містичним та логічним, та значить стадіально нижче європейського, потребує розгорнутої критики.

Далеко не всі представники європейської філософської думки першої половини ХХ століття були сторонниками стадіальної системи типів мислення в її ієрархічній варіації. Позитивістська варіація історії мислення представленої Леви-Брюлем в якійсь мірі протистояла теорії творчої еволюції видаючогося французького філософа А. Бергсона, спрямована проти інтелектуалістичного розуміння світу. Згідно цієї теорії, життя всесвіту протікає в безперервному та невідомому часі. Лише інтуїція, яка виражається та змінюється інтелектом, здатна досягти цієї життя в її невідомій безперервності. Інтуїція визначається А. Бергсоном як своєрідна симпатія (у Леви-Брюля співпричастність), яка безпосередньо проникає в предмет, зливаючись з його індивідуальною природою [3]. Відповідно, інтуїтивне (магічне) інтелектуальне (логічне) у А. Бергсона по крайній мірі рівнозначні.

Найбільш чітко значимість інтуїтивного мислення обґрунтовувалась в психоаналітичній концепції культури швейцарського філософа К. Юнга. В роботах, присвячених психології релігій та філософії Китаю та Індії, він підкреслював, що для

восточного типа мышления характерно неявное допущение “антиномичности любых метафизичных утверждений”, т.е. европейское “или-или”, а восточное “и-и”. К. Юнг подчеркивал: “Западное сознание ни при каких обстоятельствах не есть сознание вообще. Это, скорее, исторически обусловленная и географически ограниченная величина, представляющая часть человечества. Влияние нашего сознания не должно возрастать за счет других типов сознания, но должно осуществляться путем развития тех элементов нашей психики, которые аналогичны свойствам чужой психики, так же как и Восток не может обойтись без нашей техники, науки и промышленности” [4].

Обоснованная критика “праологического мышления” содержится в работах выдающегося французского этнолога и философа К. Леви-Стросса, который выдвинул альтернативную концепцию мышления присущего традиционным обществам. Ученый считал, что потребность объективного познания образует один из наименее учитываемых аспектов мифологического мышления членов традиционного общества. Если их мышление редко направляется к реальностям того же уровня, к которым привязана современная наука, то подразумевает все же сопоставимые интеллектуальные действия и методы наблюдения. Разница здесь не столько в качестве логических операций, сколько в самой природе явлений, подвергаемых логическому анализу. Таким образом, в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в мышлении научном, и человек всегда мыслит одинаково хорошо. Прогресс же, считал К. Леви-Стросс, произошел не в мышлении, а в том мире, в котором жило человечество, всегда наделенное мыслительными способностями, и в котором оно в процессе долгой истории сталкивалось с новыми явлениями [5].

В 80-е годы XX века концепции истории мышления в её стадильно-иерархичной вариации был нанесен новый ощутимый удар. Американский невролог Р. Сперри получил Нобелевскую премию за открытие функциональной специализации полушарий головного мозга. Ранее считалось, что познавательные функции правого полушария ограничены, и когнитивная эволюция связывалась исключительно с логико-вербальным левым полушарием. Р. Сперри доказал, что оба полушария обладают способностью к сознанию и самосознанию, а также к осознанию социальных взаимоотношений, но выполняют различные познавательные функции. Левое полушарие обрабатывает информацию последовательно и аналитически. Оно прекрасно справляется с обработкой временных взаимоотношений, вербальными операциями, математическими расчетами, абстрактным мышлением и интерпретацией символических понятий. Правое полушарие обрабатывает информацию интуитивно и одновременно. Оно лучше, чем левое, справляется с задачами интерпретации зрительных образов и пространственных взаимоотношений. Кроме того, правое полушарие более эффективно распознает сложные взаимосвязи, звуковые образы и “понимает” музыку [6].

Основываясь на открытии Р. Сперри, западные философы выдвинули тезис о двух типах мышления. Соответственно, западная цивилизация с ее акцентом на анализ однозначных причинно-следственных связей и устремленностью к активному изменению мира в отношении большей степени базируется на возможностях логико-вербального мышления. Востоку присущ образный тип мышления, который обеспечивает восприятие мира во всей его целостности. Стронники

концепции двух типов мышления: логико-вербального (западного) и образного (восточного) считают, что каждый из этих типов мышления имеет свои преимущества и ограничения, но ни один из них не является предпочтительным [7]. Нельзя не согласиться и с утверждением Ф.К. Кессиди: “Генетический фактор, в значительной мере определяющий межкультурные различия, в том числе тип мышления, заключается в межполушарной (мозговой) асимметрии” [8]. Однако концепция двух типов мышления: “западного” и “восточного” в её однозначном дуализме не выдерживает критики. Восток в его традиционном понимании (Дальневосточная, Индийско-южноазиатская, Исламская цивилизации, иначе вся Азия и Северная Африка) не является исторической категорией, т.к. не является социокультурной общностью и, самое главное, не может быть объектом системного анализа.

Современные исследователи вполне аргументировано обосновывают тезис о специфическом характере китайского и японского мышления. Аргументация данного тезиса представлена ими в контексте анализа мировоззренческих основ религиозных систем этих народов. Нельзя игнорировать и тот факт, китайская иероглифика – “дальневосточная латынь” – ориентирована на зрительный образ обозначаемого предмета или явления, т.е., исходя из принципов функциональной асимметрии мозга, главным образом связана с височной долей правого полушария [9]. Соотношение двух типов мышления у индивида во многом определяется культурными особенностями и традициями среды, и среда закрепляет их по механизму группового отбора или преемственности. Соответственно, мышление народов дальневосточной цивилизации отлично не только от западного, но и, к примеру, от исламского.

Современный философ и физик-теоретик Фр. Капра считает, что важнейшие открытия XX века в области ядерной физики и квантовой механики могут быть осмыслены в контексте интуитивно-созерцательного подхода характерного для философских учений Индии и Китая. Он пишет о том, что квантовая физика показывает картину внутренней взаимосвязанной космической материи, где человек – наблюдатель всегда является её частью. Образ мира на уровне атомарных частиц становится очень “восточным”. Время и пространство являют континуум, понятия материи и энергии функционируют взаимосвязано, а наблюдатель и предмет наблюдения находятся во взаимосвязи. Фр. Капра утверждает: “В результате изучения субатомного мира была открыта реальность, во многом не подчиняющаяся законам мышления и речи, и одним из самых удивительных её свойств было то, что понятия, которые до этого представлялись противоположными и даже непримиримыми, обнаружили свое единство” [10]. Факт, что современная западная наука благодаря сложным, невероятным дорогим приборам и запутанным математическим уравнениям создала картину вселенной, очень приближенную к воззрениям восточных мистиков, имеет своё объяснение. Речь идет о том, что в азиатских обществах периода “Осевого времени” мистическое сознание фактически инкорпорировалось новыми мировоззренческими парадигмами. В Китае и Индии, как бы вопреки законам диалектики, новое не вытесняло старое, а сосуществовало с ним; вместо привычной для европейцев борьбы противоположностей – логоса с мифом – осуществлялся синтез: магиго-

онтологическое мышление было творчески усвоено и переведено на язык космогонии, ритуала, религиозно-философский. Для нас важно признание сходства между воззрениями современных физиков-теоретиков и мыслителей “осевого Востока”, которое Фр. Капра объясняет общим образом мышления, связанным с правым полушарием. Этот образный тип мышления позволяет “схватить” сразу, полностью и целиком многочисленные свойства объектов, их взаимосвязи,

улавливать множество сторон и отношений в мире вещей и явлений. Именно эта возможность составляет основу интуиции и творческого процесса.

Соответственно, тип мышления, присущий “осевому Востоку”, не является архаичной вариацией, и западная традиционная концепция стадильности и, соответственно, иерархичности типов мышления не обладает эвристическим потенциалом.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 33, 88-89.
2. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М.: Атеист, 1930. – С. 200-210, 315-320.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. – Минск, 1999. – С. 400-401.
4. Юнг К. О психологии восточных религий и философии. – М., 1994. – С. 222; Его же. Психологические комментарии к “Тибетской книге мертвых” // Тибетская книга мертвых. – СПб., 1999. – С. 7.
5. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М., 1999. – С. 114–115; Его же. Структурная антропология. М., 2001. – С. 241-242.
6. Sperry Roger W. Some Effects of Disconnecting the Cerebral Hemispheres. <http://www.nobel.se/medicine/laureates/1981/sperry-lecture/html>.
7. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. – 1984. – № 4. – С. 78-82; Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. – М., 1999. – С. 131-136; Режабек Е.Я. Становление мифологического сознания и его когнитивности // Вопросы философии. – 2002. – № 1. – С. 52-66; Кессиди Ф.К. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 76-79.
8. Кессиди Ф.К. Указ. соч. – С. 77.
9. Григорьева Т.П. “Вечное теперь” японцев / VII Международная научная конференция “Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое”. – М., 2006. <http://www.newscience.ru/konferencia/konfer2006/>; Её же. Дао и логос (встреча культур). – М., 1992. – С. 24-34, 171-173; Уотс А. Дао воды. – К., 1996; Боцман Я.В. Эгоизм, вывернутый наизнанку // Буддизм. Четыре благородных истины. – М., 2001. – С. 5-21; Девятов А., Мартиросян М. Китайский прорыв и уроки для России. – М.: “Вече”, 2002. – С. 15-21.
10. Капра Ф. Дао физики. – СПб.: “София”, 2002.